

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т26

Твен, Марк.

Т26 Приключения Тома Сойера / Марк Твен ; [перевод с английского Нины Дарузес] ; иллюстрации Владимира Гальдяева. — Москва : Эксмо, 2022. — 304 с. : ил.

ISBN 978-5-04-160895-8

Что делать двенадцатилетнему мальчишке, который не любит учёбу, но обожает приключения? Конечно же, отправиться на их поиски! Податься в пираты? Легко. Отправиться ночью на кладбище? Проще простого. Стать свидетелем убийства, разоблачить преступника и найти клад? Разве всё это может произойти с одним человеком?..

Вас ждёт полная невероятных приключений и походов история Тома Сойера и двух его закадычных товарищей — Гекльберри Финна и Джо Гасперса.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-160895-8

© Н. Дарузес, перевод на русский язык, наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Моей жене с любовью
посвящаю эту книгу*

Предисловие

Большая часть приключений, о которых рассказано в этой книге, взяты из жизни: одно-два пережиты мною самим, остальные мальчиками, учившимися вместе со мной в школе. Гек Финн списан с натуры, Том Сойер также, но не с одного оригинала — он представляет собой комбинацию черт, взятых у трёх мальчиков, которых я знал, и потому принадлежит к смешанному архитектурному ордеру.

Дикие суеверия, описанные ниже, были распространены среди детей и негров Запада в те времена, то есть тридцать-сорок лет тому назад.

Хотя моя книга предназначена главным образом для развлечения мальчиков и девочек, я надеюсь, что ею не побрезгуют и взрослые мужчины и женщины, ибо в мои планы входило напомнить им, какими были они сами когда-то, что чувствовали, думали, как разговаривали и в какие странные авантюры иногда ввязывались.

Автор
Хартфорд, 1876

Глава I

— **Т**ом!
Ответа нет.

— Том!

Ответа нет.

— Удивительно, куда мог деваться этот мальчишка! Том, где ты?

Ответа нет.

Тётя Полли спустила очки на нос и оглядела комнату поверх очков, затем подняла их на лоб и оглядела комнату из-под очков. Она очень редко, почти никогда не глядела сквозь очки на такую мелочь, как мальчишка; это были парадные очки, её гордость, приобретённые для красоты, а не для пользы, и что-нибудь разглядеть сквозь них ей было так же трудно, как сквозь пару печных заслонок. На минуту она растерялась, потом сказала — не очень громко, но так, что мебель в комнате могла её слышать:

— Ну погоди, дай только до тебя добраться...

Не договорив, она нагнулась и стала тыкать щёткой под кровать, переводя дыхание после каждого тычка. Она не извлекла оттуда ничего, кроме кошки.

— Что за ребёнок, в жизни такого не видывала!

Подойдя к открытой настежь двери, она остановилась на пороге и обвела взглядом свой огород — грядки помидоров, заросшие дурманом. Тома не было и здесь. Тогда, возвысив голос, чтобы её было слышно как можно дальше, она крикнула:

— То-о-ом, где ты?

За её спиной послышался лёгкий шорох, и она оглянулась — как раз вовремя, чтобы ухватить за помочи мальчишку, пока он не прошмыгнул в дверь.

— Ну так и есть! Я и позабыла про чулан. Ты что там делал?

— Ничего.

— Ничего? Посмотри, в чём у тебя руки. И рот тоже. Это что такое?

— Не знаю, тётя.

— А я знаю. Это варенье — вот что это такое! Сорок раз я тебе говорила: не смей трогать варенье — выдеру! Поддай сюда розгу.

Розга засвистела в воздухе, — казалось, что беды не миновать.

— Ой, тётя, что это у вас за спиной?!

Тётя обернулась, подхватив юбки, чтобы уберечь себя от опасности. Мальчишка в один миг перемахнул через высокий забор и был таков.

Тётя Полли в первую минуту опешила, а потом добродушно рассмеялась:

— Вот и поди с ним! Неужели я так ничему и не выучусь? Мало ли он со мной выкидывает фокусов? Пора бы мне, кажется, поумнеть. Но нет хуже дурака, как старый дурак. Недавно говорится: «Старую собаку не выучишь новым фокусам». Но ведь, господи ты боже мой, он каждый день что-нибудь да придумает, где же тут угадать. И как будто знает, сколько времени можно меня изводить; знает, что стоит ему меня рассмешить или хоть на минуту сбить с толку, у меня уж и руки опускаются, я даже шлёпнуть

его не могу. Не выполняю я своего долга, что греха таить! Ведь сказано в Писании¹: кто щадит младенца, тот губит его. Ничего хорошего из этого не выйдет, грех один. Он суший чертёнок, знаю, но ведь он, бедняжка, сын моей покойной сестры, у меня как-то духу не хватает наказывать его. Потакать ему — совесть замучит, а накажешь — сердце разрывается. Недаром ведь сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей; думаю, что это правда. Нынче он отлынивает от школы; придётся мне завтра наказать его — засажу за работу. Жалко заставлять мальчика работать, когда у всех детей праздник, но работать ему всего тяжелей, а мне надо исполнить свой долг — иначе я погублю ребёнка.

Том не пошёл в школу и отлично провёл время. Он еле успел вернуться домой, чтобы до ужина помочь негритёнку Джиму напилить на завтра дров и наколоть щепок для растопки. Во всяком случае, он успел рассказать Джиму о своих похождениях, пока тот сделал три четверти работы. Младший (или, скорее, сводный) брат Тома, Сид, уже сделал всё, что ему полагалось (он подбирал и носил щепки): это был послушный мальчик, не склонный к шалостям и проказам.

Покуда Том ужинал, при всяком удобном случае таская из сахарницы куски сахара, тётя Полли задавала ему разные каверзные вопросы,

¹ Писание (Свящённое Писание) — Библия.

очень хитрые и мудрёные, — ей хотелось поймать Тома врасплох, чтобы он проговорился. Как и многие простодушные люди, она считала себя большим дипломатом, способным на самые тонкие и таинственные уловки, и полагала, что все её невинные хитрости — чудо изворотливости и лукавства. Она спросила:

— Том, в школе было не очень жарко?

— Нет, тётя.

— А может быть, очень жарко?

— Да, тётя.

— Что ж, неужели тебе не захотелось выкупаться, Том?

У Тома душа ушла в пятки — он почувал опасность.

Он недоверчиво посмотрел в лицо тёте Полли, но ничего особенного не увидел и потому сказал:

— Нет, тётя, не очень.

Она протянула руку и, пощупав рубашку Тома, сказала:

— Да, пожалуй, ты несколько не вспотел. — Ей приятно было думать, что она сумела проверить, сухая ли у Тома рубашка, так, что никто не понял, к чему она клонит.

Однако Том сразу почувал, куда ветер дует, и предупредил следующий ход:

— У нас в школе мальчики обливали голову из колодца. У меня она и сейчас ещё мокрая, поглядите!

Тётя Полли очень огорчилась, что упустила из виду такую важную улику. Но тут же вдохновилась опять.

— Том, ведь тебе не надо было распарывать воротник, чтобы окатить голову, верно? Расстегни куртку!

Лицо Тома просияло. Он распахнул куртку — воротник был крепко зашит.

— А ну тебя! Убирайся вон! Я, признаться, думала, что ты сбежишь с уроков купаться. Так и быть, на этот раз я тебя прощаю. Не так ты плох, как кажешься.

Она и огорчилась, что пронизательность обманула её на этот раз, и радовалась, что Том хоть случайно вёл себя хорошо.

Тут вмешался Сид:

— Мне показалось, будто вы зашили ему воротник белой ниткой, а теперь у него чёрная.

— Ну да, я зашивала белой! Том!

Но Том не стал дожидаться продолжения. Выбегая за дверь, он крикнул:

— Я это тебе припомню, Сидди!

В укромном месте Том осмотрел две толстые иголки, вколотые в лацканы его куртки и обмотанные ниткой: в одну иголку была вдета белая нитка, в другую — чёрная.

— Она бы ничего не заметила, если бы не Сид. Вот чёрт! То она зашивает белой ниткой, то чёрной. Хоть бы одно что-нибудь, а то никак не уследишь. Ну и отлуплю же я Сиду. Будет помнить!

Том не был самым примерным мальчиком в городе, зато очень хорошо знал самого примерного мальчика — и терпеть его не мог.

Через две минуты, и даже меньше, он забыл все свои несчастья. Не потому, что эти несча-

ствия были не так тяжелы и горьки, как несчастья взрослого человека, но потому, что новый, более сильный интерес вытеснил их и изгнал на время из его души, — совершенно так же, как взрослые забывают в волнении своё горе, начиная какое-нибудь новое дело. Такой новинкой была особенная манера свистеть, которую он только что перенял у одного негра, и теперь ему хотелось поупражняться в этом искусстве без помехи.

Это была совсем особенная птичья трель — нечто вроде заливистого щибета; и для того чтобы она получилась, надо было то и дело дотрагиваться до нёба языком, — читатель, верно, помнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчишкой. Приложив к делу старание и терпение, Том скоро приобрёл необходимую сноровку и зашагал по улице ещё быстрее, — на устах его звучала музыка, а душа преисполнилась благодарности. Он чувствовал себя, как астроном, открывший новую планету, — и без сомнения, если говорить о сильной, глубокой, ничем не омрачённой радости, все преимущества были на стороне мальчика, а не астронома.

Летние вечера тянутся долго. Было ещё совсем светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомый мальчик чуть побольше его самого. Приезжий любого возраста и пола был редкостью в захудалом маленьком городишке Сент-Питерсберге. А этот мальчишка был ещё и хорошо одет — подумать только, хорошо одет в будний день! Просто удивительно. На нём были совсем новая франтовская шляпа

и нарядная суконная куртка, застёгнутая на все пуговицы, и такие же новые штаны. Он был в башмаках — это в пятницу-то! Даже галстук у него имелся — из какой-то пёстрой ленты. И вообще вид у него был столичный, чего Том никак не мог стерпеть. Чем дольше Том смотрел на это блистающее чудо, тем выше он задира л нос перед франтом-чужаком и тем более жалким казался ему его собственный костюм. Оба мальчика молчали. Если двигался один, то двигался и другой — но только боком, по кругу; они всё время стояли лицом к лицу, не сводя глаз друг с друга. Наконец Том сказал:

— Хочешь, поколочу?

— А ну, попробуй! Где тебе!

— Сказал, что поколочу, значит, могу.

— А вот и не можешь.

— Могу.

— Не можешь!

— Могу.

— Не можешь!

Тягостное молчание. После чего Том начал:

— Как тебя зовут?

— Не твоё дело.

— Захочу, так будет моё.

— Ну так чего ж не дерёшься?

— Поговори ещё у меня, получишь.

— И поговорю, и поговорю — вот тебе.

— Подумаешь, какой выискался! Да я захочу, так одной левой рукой тебя побью.

— Ну так чего ж не бьёшь? Только разговариваешь.

— Будешь дурака валять — и побью.

— Ну да — видали мы таких.

— Ишь, вырядился! Подумаешь, какой важный! Ещё и в шляпе!

— Возьми да сбей, если не нравится. Попробуй сбей — тогда узнаешь.

— Врёшь!

— Сам врешь!

— Где уж тебе драться, не посмеешь.

— Да ну тебя!

— Поговори ещё у меня, я тебе голову кирпичом проломлю!

— Как же, так и проломил!

— И проломлю.

— А сам стоишь? Разговаривать только мастер. Чего ж не дерёшься? Боишься, значит?

— Нет, не боюсь.

— Боишься!

— Нет, не боюсь.

— Боишься!

Опять молчание, опять оба начинают наступать боком, косясь друг на друга. Наконец сошлись плечо к плечу. Том сказал:

— Убирайся отсюда!

— Сам убирайся!

— Не хочу.

— И я не хочу.

Каждый стоял, выставив ногу вперёд, как опору, толкаясь изо всех сил и с ненавистью глядя друг на друга. Однако ни тот, ни другой не мог одолеть.

Наконец, разгорячённые борьбой и раскрасневшиеся, они осторожно отступили друг от друга, и Том сказал:

— Ты трус и щенок. Вот скажу моему старшему брату, чтоб он тебе задал как следует, так он тебя одним мизинцем поборет.

— А мне наплевать на твоего старшего брата! У меня тоже есть брат, ещё постарше. Возьмёт да как перебросит твоего через забор! (*Никаких братьев и в помине не было.*)

— Всё враки.

— Ничего не враки, мало ли что ты скажешь.

Большим пальцем ноги Том провёл в пыли черту и сказал:

— Только перешагни эту черту, я тебя так отлуплю, что своих не узнаешь. Попробуй только, не обрадуешься.

Новый мальчик быстро перешагнул черту и сказал:

— Ну-ка попробуй, тронь!

— Ты не толкайся, а то как дам!

— Ну, погляжу я, как ты мне дашь! Чего же не дерёшься?

— Давай два цента, отлуплю.

Новый мальчик достал из кармана два больших медяка и насмешливо протянул Тому. Том ударил его по руке, и медяки полетели на землю. В тот же миг оба мальчика покатались в грязь, сцепившись по-кошачьи. Они таскали и рвали друг друга за волосы и за одежду, царапали носы, угощали один другого тумаками — и покрыли себя пылью и славой. Скоро неразбериха прояснилась, и сквозь дым сражения стало видно, что Том оседлал нового мальчика и молотит его кулаками.

— Проси пощады! — сказал он.

Мальчик только забарахтался, пытаясь высвободиться. Он плакал больше от злости.

— Проси пощады! — И кулаки заработали снова.

В конце концов чужак сдавленным голосом запросил пощады, и Том выпустил его, сказав:

— Это тебе наука. В другой раз гляди, с кем связываешься.

Франт побрёл прочь, отряхивая пыль с костюмчика, всхлипывая, сопя и обещая задать Тому как следует, «когда поймает его ещё раз».

Том посмеялся над ним и направился домой в самом превосходном настроении, но как только Том повернул к нему спину, чужак схватил камень и бросил в него, угодив ему между лопаток, а потом пустился наутёк, скача, как антилопа. Том гнался за ним до самого дома и узнал, где он

живёт. Некоторое время он сторожил у калитки, вызывая неприятеля на улицу, но тот только строил ему рожи из окна, отклоняя вызов. Наконец появилась мамаша неприятеля, обозвала Тома скверным, грубым, невоспитанным мальчишкой и велела ему убираться прочь. И он убрался, предупредив, чтоб её сынок больше не попадался ему.

Он вернулся домой очень поздно и, осторожно влезая в окно, обнаружил засаду в лице тёти Полли; а когда она увидела, в каком состоянии его костюм, то её решимость заменить ему субботний отдых каторжной работой стала твёрже гранита.

Глава II

Наступило субботнее утро, и всё в летнем мире дышало свежестью, сияло и кипело жизнью. В каждом сердце звучала музыка, а если это сердце было молодо, то песня рвалась с губ. Радость была на каждом лице, и весна — в походке каждого. Белая акация стояла в полном цвету, и её благоухание разливалось в воздухе.

Кардифская гора, которую видно было отовсюду, зазеленела вся сплошь и казалась издали чудесной, заманчивой страной, полной мира и покоя.

Том появился на тротуаре с ведром известки и длинной кистью в руках. Он оглядел забор, и всякая радость отлетела от него, а дух погрузился в глубочайшую тоску.

Тридцать ярдов¹ дощатого забора в девять футов² вышиной! Жизнь показалась ему пустой, а существование — тяжким бременем. Вдыхая, он окунул кисть в ведро и провёл ею по верхней доске забора, повторил эту операцию, проделал её снова, сравнил ничтожную выбеленную полоску с необозримым материком некрашеного забора и уселся на загородку под дерево в полном унынии. Из калитки вприпрыжку выбежал Джим с жестяным ведром в руке, напевая «Девушки из Буффало». Носить воду из городского колодца раньше казалось Тому скучным делом, но сейчас он посмотрел на это иначе. Он вспомнил, что у колодца всегда собирается общество. Белые и чёрные мальчишки и девчонки вечно торчали там, дожидаясь своей очереди, отдыхали, менялись игрушками, ссорились, дрались, баловались. И ещё он припомнил, что, хотя колодец был от них всего шагов за полтораста, Джим никогда не возвращался домой раньше чем через час, да и то приходилось кого-нибудь посылать за ним. Том сказал:

— Слушай, Джим, я схожу за водой, а ты побели тут немножко.

— Не могу, мистер Том. Старая хозяйка велела мне поскорей сходить за водой и не останавливаться ни с кем по дороге. Она говорила, мистер Том, верно, позовёт меня белить забор, так чтоб я шёл своей дорогой и не совался не в своё дело, а уж насчёт забора она сама позаботится.

¹ Ярд — 0,914 метра.

² Фут — 0,3 метра.

— А ты её не слушай, Джим. Мало ли что она говорит. Давай мне ведро, я в одну минуту сбегаю. Она даже не узнает.

— Ой, боюсь, мистер Том. Старая хозяйка мне за это голову оторвёт. Ей-богу, оторвёт.

— Она-то? Да она никогда и не дерётся. Стукнет по голове напёрстком, вот и всё, — подумаешь, важность какая! Говорит-то она бог знает что, да ведь от слов ничего не сделается, разве сама заплачет. Джим, я тебе шарик подарю! Я тебе подарю белый с мраморными жилками!

Джим начал колебаться.

— Белый мраморный, Джим! Это тебе не пу-
стяки!

— Ой, как здорово блестит! Только уж очень я боюсь старой хозяйки, мистер Том...

— А ещё, если хочешь, я тебе покажу свой
больной палец.

Джим был всего-навсего человек — такой соблазн оказался ему не по силам. Он поставил ведро на землю, взял белый шарик и, весь охваченный любопытством, наклонился над большим пальцем, покуда Том разматывал бинт. В следующую минуту он уже летел по улице, громыхая ведром и почёсывая спину, Том усердно белил забор, а тётя Полли удалялась с театра военных действий¹ с туфлей в руке и торжеством во взоре.

Но энергии Тома хватило ненадолго. Он начал думать о том, как весело рассчитывал

¹ Театр военных действий — место сражения.

провести этот день, и скорбь его умножилась. Скоро другие мальчики пойдут из дому в разные интересные места и поднимут Тома на смех за то, что его заставили работать, — одна эта мысль жгла его, как огнём. Он вынул из кармана все свои сокровища и произвёл им смотр: ломаные игрушки, шарики, всякая дрянь, — может, годится на обмен, но едва ли годится на то, чтобы купить себе хотя бы один час полной свободы. И Том опять убрал в карман свои толстые капиталы, оставив всякую мысль о том, чтобы подкупить мальчиков. Но в эту мрачную и безнадёжную минуту его вдруг осенило вдохновение. Не более и не менее как настоящее ослепительное вдохновение!

Он взялся за кисть и продолжал не торопясь работать. Скоро из-за угла показался Бен Роджерс — тот самый мальчик, чьих насмешек Том боялся больше всего на свете. Походка у Бена была лёгкая, подпрыгивающая — верное доказательство того, что и на сердце у него легко и от жизни он ждёт только самого лучшего. Он жевал яблоко и время от времени издавал протяжный, мелодичный гудок, за которым следовало: «Динь-дон-дон, динь-дон-дон», — на самых низких нотах, потому что Бен изображал собой пароход. Подойдя поближе, он убавил ход, повернул на середину улицы, накренился на правый борт и стал не торопясь заворачивать к берегу, старательно и с надлежащей важностью, потому что изображал «Большую Миссури» и имел осадку в девять футов. Он был и пароход, и капитан, и пароходный колокол — всё вместе, и потому

воображал, что стоит на капитанском мостике, сам отдавал команду и сам же её выполнял.

— Стоп, машина! Тинь-линь-линь! — Машина застопорила, и пароход медленно подошёл к тротуару. — Задний ход! — Обе руки опустились и вытянулись по бокам.

— Право руля! Тинь-линь-линь! Чу! Ч-чу-у! Чу! — Правая рука тем временем торжественно описывала круги: она изображала сорокафутное колесо.

— Лево руля! Тинь-линь-линь! Чу-ч-чу-чу! — Левая рука начала описывать круги.

— Стоп, правый борт! Тинь-линь-линь! Стоп, левый борт! Малый ход! Стоп, машина! Самый малый! Тинь-линь-линь! Чу-у-у! Отдай концы! Живей! Ну, где же у вас канат, чего копаетесь? Зачаливай за сваю! Так, так, теперь отпусти! Машина стала, сэр! Тинь-линь-линь! Шт-шт-шт! (Это пароход выпускал пары.)

Том по-прежнему белил забор, не обращая на пароход никакого внимания. Бен уставился на него и сказал:

— Ага, попался, взяли на причал!

Ответа не было. Том рассматривал свой последний мазок глазами художника, потом ещё раз осторожно провёл кистью по забору и отступил, любуясь результатами. Бен подошёл и стал рядом с ним. Том проглотил слюну — так ему захотелось яблока, но упорно работал. Бен сказал:

— Что, старик, работать приходится, а?

Том круто обернулся и сказал:

— А, это ты, Бен? Я и не заметил.

— Слушай, я иду купаться. А ты не хочешь? Да нет, ты, конечно, поработаешь? Ну, само собой, работать куда интересней.

Том пристально посмотрел на Бена и спросил:

— Что ты называешь работой?

— А это, по-твоему, не работа, что ли?

Том снова принялся белить и ответил небрежно:

— Что ж, может, работа, а может, и не работа. Я знаю только одно, что Тому Сойеру она по душе.

— Да брось ты, уж будто бы тебе так нравится белить!

Кисть всё так же равномерно двигалась по забору.

— Нравится? А почему же нет? Небось не каждый день нашему брату достаётся белить забор.

После этого всё дело представилось в новом свете. Бен перестал жевать яблоко. Том осторожно водил кистью взад и вперёд, останавливаясь время от времени, чтобы полюбоваться результатом, добавлял мазок, другой, опять любовался результатом, а Бен следил за каждым его движением, проявляя всё больше и больше интереса к делу.

Вдруг он сказал:

— Слушай, Том, дай мне побелить немножко.

Том задумался и сначала как будто готов был согласиться, а потом вдруг передумал.

— Нет, Бен, всё равно ничего не выйдет. Тётя Полли прямо трясётся над этим забором;

понимаешь, он выходит на улицу, — если б это была та сторона, что во двор, она бы слова не сказала, да и я тоже. Она прямо трясётся над этим забором. Его знаешь как надо белить? По-моему, разве один мальчик из тысячи, а то и из двух тысяч сумеет выбелить его как следует.

— Да что ты? Слушай, пусти хоть попробовать, хоть чуть-чуть. Том, я бы тебя пустил, если б ты был на моём месте.

— Бен, я бы с радостью, честное индейское! Да ведь как быть с тётёй Полли? Джиму тоже хотелось покрасить, а она не позволила. Сиду хотелось, она и Сиду не позволила. Видишь, какие дела? Ну-ка, возьмишься ты белить забор, а вдруг что-нибудь...

— Да что ты, Том, я же буду стараться. Ну пусти, я попробую. Слушай, я тебе дам серединку от яблока.

— Ну, ладно... Хотя нет, Бен, лучше не надо. Я боюсь.

— Я всё яблоко тебе отдам!

Том выпустил кисть из рук с виду не очень охотно, зато с ликованием в душе. И пока бывший пароход «Большая Миссури» трудился в поте лица на солнцепёке, удалившийся от дел художник, сидя в тени на бочонке, болтал ногами, жевал яблоко и обдумывал дальнейший план избияния младенцев. За ними дело не стало. Мальчики ежеминутно пробегали по улице; они подходили, чтобы посмеяться над Томом, — и оставались белить забор. Когда Бен выдохся, Том продал следующую очередь Билли Фишеру за подержанного бумажного змея,

а когда тот устал белить, Джонни Миллер купил очередь за дохлую крысу с верёвочкой, чтобы удобней было вертеть, и т. д. и т. д., час за часом. К середине дня из бедного мальчика, близкого к нищете, Том стал богачом и буквально утопал в роскоши. Кроме уже перечисленных богатств, у него имелось: двенадцать шариков, сломанная губная гармоника, осколок синего бутылочного стекла, чтобы глядеть сквозь него, пустая катушка, ключ, который ничего не отпирал, кусок мела, хрустальная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопушек, одноглазый котёнок, медная дверная ручка, собачий ошейник без собаки, черенок от ножа, четыре куска апельсиновой корки и старая оконная рама. Том отлично провёл всё это время, ничего не делая и веселясь, а забор был покрыт извёсткой в три слоя! Если б у него не кончилась извёстка, он разорил бы всех мальчишек в городе.

Том подумал, что жить на свете не так уж плохо. Сам того не подозревая, он открыл великий закон, управляющий человеческими действиями, а именно: для того чтобы мальчику или взрослому захотелось чего-нибудь, нужно только одно — чтобы этого было нелегко добиться. Если бы Том был великим и мудрым мыслителем, вроде автора этой книги, он сделал бы вывод, что Работа — это то, что человек обязан делать, а Игра — то, чего он делать не обязан. И это помогло бы ему понять, почему делать искусственные цветы или носить воду в решете есть работа, а сбивать кегли или

восходить на Монблан¹ — забава. Есть в Англии такие богачи, которым нравится в летнюю пору править почтовой каретой, запряжённой четвериком, потому что это стоит им бешеных денег; а если бы они получали за это жалованье, игра превратилась бы в работу и потеряла для них всякий интерес.

Том раздумывал ещё некоторое время над той существенной переменной, какая произошла в его обстоятельствах, а потом отправился с донесением в главный штаб.

Глава III

Том явился к тётке Полли, которая сидела у открытого окна в очень уютной комнате, служившей одновременно спальней, гостиной, столовой и библиотекой. Мягкий летний воздух, успокаивающая тишина, запах цветов и усыпляющее гудение пчёл оказали своё действие, и она задремала над вязаньем, потому что разговаривать ей было не с кем, кроме кошки, да и та спала у неё на коленях. Очки безопасности ради были подняты у неё выше лба. Она думала, что Том давным-давно сбежал, и удивилась, что он сам так безбоязненно идёт к ней в руки. Он сказал:

- Можно мне теперь пойти поиграть, тётя?
- Как, уже? Сколько же ты сделал?

¹ Монблан — гора в Альпах, самая высокая гора в Европе.

— Всё, тётя.

— Том, не сочиняй, я этого не люблю.

— Я не сочиняю, тётя, всё готово.

Тётя Полли не имела привычки верить на слово. Она пошла посмотреть сама и была бы довольна, если бы слова Тома оказались правдой хотя бы на двадцать процентов.

Когда же она увидела, что выбелен весь забор и не только выбелен, но и покрыт извёсткой в два и даже три слоя и вдобавок по земле проведена белая полоса, то её удивление перешло всякие границы.

Она сказала:

— Ну-ну! Нечего сказать, работать ты можешь, когда захочешь, Том. — Но тут же разбавила комплимент водой: — Жаль только, что это очень редко с тобой бывает. Ну, ступай играть, да приходи домой вовремя, не то выдеру.

Она была настолько поражена блестящими успехами Тома, что повела его в чулан, выбрала самое большое яблоко и преподнесла ему с назидательной речью о том, насколько дороже и приятней бывает награда, если она заработана честно, без греха, путём добродетельных стараний. И пока она заканчивала свою речь очень кстати подвернувшимся текстом из Писания, Том успел стянуть у неё за спиной пряник.

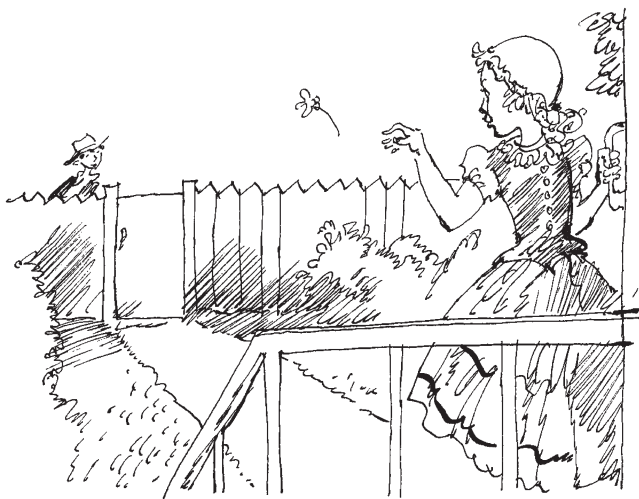
Он вприпрыжку выбежал из комнаты и увидел, что Сид поднимается по наружной лестнице в пристройку второго этажа. Комья земли, которых много было под рукой, замелькали в воздухе. Они градом сыпались вокруг Сиды, и, прежде чем тётя Полли успела опомниться от удивления

и прийти на выручку, пять-шесть комьев попали в цель, а Том перемахнул через забор и скрылся. В заборе была калитка, но у него, как и всегда, времени было в обрез, — до калитки ли тут. Теперь душа его успокоилась: он отплатил Сиду за то, что тот подвёл его, обратив внимание тёти Полли на чёрную нитку.

Том обошёл свой квартал стороной и свернул в грязный переулок мимо коровника тёти Полли. Он благополучно миновал опасную зону, избежав пленения и казни, и побежал на городскую площадь, где по предварительному уговору уже строились в боевом порядке две армии. Одной из них командовал Том, а другой — его закадычный друг Джо Гарпер. Оба великих полководца не унижались до того, чтобы сражаться самим, — это больше подходило всякой мелюзге, — они сидели вместе на возвышении и руководили военными действиями, рассылая приказы через адъютантов.

После долгого и жестокого боя армия Тома одержала большую победу. Подсчитали убитых, обменялись пленными, уговорились, когда объявлять войну и из-за чего драться в следующий раз, и назначили день решительного боя; затем обе армии построились походным порядком и ушли, а Том в одиночестве отправился домой.

Проходя мимо того дома, где жил Джеф Тэтчер, он увидел в саду незнакомую девочку — прелестное голубоглазое существо с золотистыми волосами, заплетёнными в две длинные косы, в белом летнем платье и вышитых панталончиках. Только что увенчанный лаврами герой

сдался в плен без единого выстрела. Некая Эми Лоуренс мгновенно испарилась из его сердца, не оставив по себе даже воспоминания. Он думал, что любит её без памяти, думал, что будет обождать её вечно, а оказалось, что это всего-навсего мимолётное увлечение. Он несколько месяцев добивался взаимности, она всего неделю тому назад призналась ему в любви; только семь коротких дней он был счастлив и горд, как никто на свете, — и вот в одно мгновение она исчезла из его сердца, как малознакомая гостья, которая побыла недолго и ушла.

Он поклонялся новому ангелу издали, пока не увидел, что она его заметила; тогда он притворился, будто не видит, что она здесь, и начал ломаться на разные лады, как это принято у мальчишек, стараясь ей понравиться и вызвать её восхищение. Довольно долго он выкидывал всякие дурацкие штуки и вдруг, случайно взглянув в её сторону во время какого-то

головоломного акробатического фокуса, увидел, что девочка повернулась к нему спиной и направляется к дому. Том подошёл к забору и прислонился к нему в огорчении, надеясь всё-таки, что она побудет в саду ещё немножко. Она стояла минутку на крыльце, потом повернулась к двери. Когда она переступила порог, Том тяжело вздохнул. Но тут же просиял: прежде чем исчезнуть, девочка перебросила через забор цветок — анютины глазки. Том подбежал к забору и остановился шагах в двух от цветка, потом прикрыл глаза ладонью и стал всматриваться куда-то в даль, словно увидел в конце улицы что-то очень интересное. Потом поднял с земли соломинку и начал устанавливать её на носу, закинув голову назад; двигаясь ближе и ближе, подходил к цветку и в конце концов наступил на него босой ногой, — гибкие пальцы захватили цветок, и, прыгая на одной ноге, Том скрылся за углом. Но только на минуту, пока засовывал цветок под куртку, поближе к сердцу, — а может быть, и к желудку: он был не слишком силён в анатомии и не разбирался в таких вещах.

После этого он вернулся к забору и слонялся около него до самой темноты, ломаясь по-прежнему. Но девочка больше не показывалась, и Том утешал себя мыслью, что она, может быть, подходила в это время к окну и видела его старания. Наконец он очень неохотно побрёл домой, совсем замечтавшись.

За ужином он так разошёлся, что тётка только удивлялась: «Какой бес вселился в этого ребёнка!» Ему здорово влетело за то, что он бросал землёй

в Сиду, но он и ухом не повёл. Он попробовал стащить кусок сахара под самым носом у тётки и получил за это по рукам. Он сказал:

— Тётя, вы же не бьёте Сиду, когда он таскает сахар.

— Но Сид никогда не выводит человека из терпения так, как ты. Ты не вылезал бы из сахарницы, если б я за тобой не следила.

Скоро она ушла на кухню, и Сид, обрадовавшись своей безнаказанности, потащил к себе сахарницу; такую наглость было просто невозможно стерпеть. Сахарница выскользнула из пальцев Сиды, упала и разбилась. Том был в восторге. В таком восторге, что даже придержал язык и смолчал. Он решил, что не скажет ни слова, даже когда войдёт тётя Полли, а будет сидеть смиренно, пока она не спросит, кто это сделал. Вот тогда он скажет и полюбуется, как влетит «любимчику», — ничего не может быть приятнее!

Он был до того переполнен радостью, что едва сдерживался, когда тётя вошла из кухни и остановилась над осколками, бросая молниеносные взоры поверх очков. Про себя он думал, затаив дыхание: «Вот, вот, сию минуту!» И в следующий миг растянулся на полу! Могущественная длань¹ была уже занесена над ним снова, когда Том возопил:

— Да погодите же, за что вы меня лупите? Это Сид разбил!

¹ Длань — ладонь, рука (высок., книжн.).

Тётя Полли замерла от неожиданности, и Том ждал, не пожалеет ли она его. Но как только дар слова вернулся к ней, она сказала:

— Гм! Ну, я думаю, тебе всё же не зря влетело! Уж наверно, ты чего-нибудь ещё натворил, пока меня тут не было.

Потом совесть упрекнула её, и ей захотелось сказать что-нибудь ласковое и любящее; но она рассудила, что это будет понято как признание в том, что она виновата, а дисциплина этого не допускает. И она промолчала и занялась своими делами, хотя на сердце у неё было беспокойно. Том сидел, надувшись, в углу и растравлял свои раны. Он знал, что в душе тётка стоит перед ним на коленях, и мрачно наслаждался этим сознанием: он не подаст и вида, будто бы ничего не замечает. Он знал, что время от времени она посылает ему тоскующий взор сквозь слёзы, но не желал ничего замечать. Он воображал, будто лежит при смерти и тётя Полли склоняется над ним, вымаливая хоть слово прощения, но он отвернётся к стене и умрёт, не произнеся этого слова. Что она почувствует тогда? И он вообразил, как его приносят мёртвого домой, вытащив из реки: его кудри намокли, измученное сердце перестало биться. Как она тогда упадёт на его бездыханный труп и слёзы у неё польются рекой, как она будет молить бога, чтоб он вернул ей её мальчика, тогда она ни за что больше его не обидит! А он будет лежать бледный и холодный, ничего не чувствуя, — бедный маленький страдалец, претерпевший все мучения до конца! Он так расчувствовался от всех этих возвышенных мечтаний,

что глотал слёзы и давился ими, ничего не видя, а когда он мигал, слёзы текли по щекам и капали с кончика носа. И он так наслаждался своими горестями, что не в силах был допустить, чтобы какая-нибудь земная радость или раздражающее веселье вторглись в его душу; он оберегал свою скорбь, как святыню. И потому, когда в комнату впорхнула его сестрица Мэри, вся сияя от радости, что возвращается домой после бесконечной недели, проведённой в деревне, он встал и вышел в одну дверь, окружённый мраком и грозowymi тучами, в то время как ликование и солнечный свет входили вместе с Мэри в другую.

Он бродил далеко от тех улиц, где обычно играли мальчики, выискивая безлюдные закоулки, которые соответствовали бы его настроению. Плот на реке показался ему подходящим местом, и он уселся на самом краю, созерцая мрачную пелену реки и желая только одного: утонуть сразу и без мучений, не соблюдая тягостного порядка, заведённого природой. Тут он вспомнил про цветок, извлёк его из кармана, помятый и увядший, и это усилило его скорбное блаженство. Он стал думать о том, пожалела ли бы она его, если б знала. Может, заплакала бы, захотела бы обнять и утешить. А может, отвернулась бы равнодушно, как и весь холодный свет. Эта картина так растрогала его и довела его муки до такого приятно-расслабленного состояния, что он мысленно повёртывал её и так и сяк, рассматривая в разном освещении, пока ему не надоело. Наконец он поднялся на ноги со вздохом и скрылся в темноте.

Вечером, около половины десятого, он шёл по безлюдной улице к тому дому, где жила прелестная незнакомка. Дойдя до него, он постоял с минуту: ни одного звука не уловило его насторожённое ухо; свеча бросала тусклый свет на штору в окне второго этажа. Не там ли незримо присутствует незнакомка? Он перелез через забор, осторожно перебрался через клумбы с цветами и стал под окном; долго и с волнением глядел на него, задрав голову кверху; потом улёгся на землю, растянувшись во весь рост, сложив руки на груди и прижимая к ней бедный, увядший цветок. Так вот он и умрёт — один на белом свете, — ни крова над бесприютной головой, ни дружеской, участливой руки, которая утёрла бы предсмертный пот с его холодеющего лба, ни любящего лица, которое с жалостью склонилось бы над ним в последний час. Наступит радостное утро, а она увидит его бездыханный труп. Но ах! — проронит ли она хоть одну слезинку над его телом, вздохнёт ли хоть один раз о том, что так безвременно погибла молодая жизнь, подкошенная жестокой рукой во цвете лет?

Окно открылось, резкий голос прислуги осквернил священную тишину, и целый потоп хлынул на распростёртые останки мученика.

Герой едва не захлебнулся и вскочил на ноги, отфыркиваясь. В воздухе просвистел камень вместе с невнятной бранью, зазвенело стекло, разлетаясь вдребезги, коротенькая, смутно видная фигурка перескочила через забор и растаяла в темноте.

Когда Том, уже раздевшись, разглядывал при свете сального огарка промокшую насквозь

одежду, Сид проснулся; но если у него и было какое-нибудь желание попрекнуть и намекнуть, то он передумал и смолчал, заметив по глазам Тома, что это небезопасно. Том улёгся в постель, не считая нужным обременять себя молитвой, и Сид мысленно отметил это упущение.

Глава IV

Солнце взошло над безмятежной землёй и осияло с высоты мирный городок, словно благословляя его. После завтрака тётя Полли собрала всех на семейное богослужение; оно началось с молитвы, построенной на солидном фундаменте из библейских цитат, скреплённых жиденьким цементом собственных добавлений; с этой вершины, как с горы Синай, она и возвестила суровую главу закона Моисеева.

После этого Том препоясал чресла¹ и приступил к заучиванию стихов из Библии. Сид ещё несколько дней назад выучил свой урок. Том приложил все силы, для того чтобы затвердить наизусть пять стихов, выбрав их из Нагорной проповеди², потому что нигде не нашёл стихов короче.

¹ Препоясать чресла — в буквальном переводе со старославянского «опоясать бёдра», т.е. вооружиться (в древности на поясе носили оружие в ножнах). Здесь: собраться с духом, подготовиться к трудному, долгому занятию.

² Нагорная проповедь — проповедь Иисуса Христа, содержащая основные положения христианского вероучения.

Через полчаса у Тома сложилось довольно смутное представление об уроке, потому что его голова была занята всем чем угодно, кроме урока, а руки непрерывно двигались, развлекаясь каким-нибудь посторонним делом.

Мэри взяла у него книжку, чтобы выслушать урок, и Том начал спотыкаться, кое-как пробираясь сквозь туман:

— Блаженны... э-э...

— Нищие...

— Да, нищие; блаженны нищие... э-э-э...

— Духом...

— Духом; блаженны нищие духом, ибо их...

ибо они...

— Ибо их...

— Ибо их... Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное. Блаженны плачущие, ибо они... ибо они...

— У...

— Ибо они... э...

— У-те...

— Ибо они у-те... Ну, я не помню, как там дальше! Блаженны ибо плачущие, ибо они... ибо плачущие... а дальше как? Ей-богу, не знаю! Что же ты не подскажешь, Мэри? Как тебе не стыдно меня дразнить?

— Ах, Том, дурачок ты этакий, вовсе я тебя не дразню, и не думаю даже. Просто тебе надо как следует выучить всё сначала. Ничего, Том, выучишь как-нибудь, а когда выучишь, я тебе подарю одну очень хорошую вещь. Ну, будь же умницей!

— Ладно! А какую вещь, Мэри, ты только скажи?

— Не всё ли тебе равно. Раз я сказала, что хорошую, значит, хорошую.

— Ну да уж ты не обманешь. Ладно, я пойду приналягу.

Том приналёг — и под двойным давлением любопытства и предстоящей награды приналёг с таким воодушевлением, что добился блестящих успехов.

За это Мэри подарила ему новенький перочинный ножик с двумя лезвиями ценой в двенадцать с половиной центов; и нахлынувший на Тома восторг потряс его до основания. Правда, ножик совсем не резал, зато это была не какая-нибудь подделка, а настоящий ножик фирмы Барлоу, в чём и заключалось его непостижимое очарование; хотя откуда мальчики Западных штатов взяли, что это грозное оружие можно подделать и что подделка была бы хуже оригинала, совершенно неизвестно и, надо полагать, навсегда останется тайной. Том ухитрился изрезать этим ножиком буфет и уже подбирался к комоду, как его позвали одеваться в воскресную школу.

Мэри дала ему жестяной таз, полный воды, и кусок мыла; он вышел за дверь и поставил таз на скамейку, потом окунул мыло в воду и опять положил его на место; закатал рукава, осторожно вылил воду на землю, потом вошёл в кухню и начал усердно тереть лицо полотенцем, висевшим за дверью. Но Мэри отняла у него полотенце, сказав:

— Как тебе не стыдно, Том. Умойся как следует. От воды тебе ничего не делается.

Том немножко смутился. В таз опять налили воды; и на этот раз он постоял над ним некоторое время, собираясь с духом, потом набрал в грудь воздуху и начал умываться. Когда Том после этого вошёл на кухню, зажмурив глаза и оцупью отыскивая полотенце, по его щекам текла мыльная пена, честно свидетельствуя о понесённых трудах.

Однако, когда он отнял от лица полотенце, оказалось, что вид у него не совсем удовлетворительный: чистыми были только щёки и подбородок, которые белели, как маска, а ниже и выше начиналась тёмная полоса неорощённой почвы, которая захватывала шею и спереди и сзади. Тогда Мэри взялась за него сама, и, выйдя из её рук, он уже ничем не отличался по цвету кожи от своих бледнолицых братьев; мокрые волосы были аккуратно приглажены щёткой, их короткие завитки лежали ровно и красиво. (Том потихоньку старался распрямить свои кудри, прилагая много трудов и стараний, чтобы они лежали на голове как приклеенные; ему казалось, что с кудрями он похож на девчонку, и это очень его огорчало.) Потом Мэри достала из шкафа костюм, который вот уже два года Том надевал только по воскресеньям и который назывался «другой костюм», на основании чего мы можем судить о богатстве его гардероба.

После того как он оделся сам, Мэри привела его в порядок: она застегнула на нём чистенькую курточку до самого подбородка, отвернула книзу широкий воротник и расправила его по плечам, почистила Тома щёткой и надела

ему соломенную шляпу с крапинками. Теперь он выглядел очень нарядно и чувствовал себя очень неловко: новый костюм и чистота стесняли его, чего он терпеть не мог. Он надеялся, что Мэри забудет про башмаки, но эта надежда не сбылась: Мэри как полагается, хорошенько смазала их салом и принесла ему. Том вышел из терпения и заворчал, что его вечно заставляют делать то, чего ему не хочется. Но Мэри ласково уговорила его:

— Пожалуйста, Том, будь умницей.

И Том, ворча, надел башмаки. Мэри оделась в одну минуту, и дети втроём отправились в воскресную школу, которую Том ненавидел от всей души, а Сид и Мэри любили.

В воскресной школе занимались с девяти до половины одиннадцатого, а потом начиналась проповедь. Двое из детей оставались на проповедь добровольно, а третий тоже оставался — по иным, более существенным причинам.

На жёстких церковных скамьях с высокими спинками могло поместиться человек триста; церковь была маленькая, без всяких украшений, с колокольной на крыше, похожей на узкий деревянный ящик. В дверях Том немного отстал, чтобы поговорить с одним приятелем, тоже одетым по-воскресному:

— Послушай, Билли, есть у тебя жёлтый билетик?

— Есть.

— Что ты просишь за него?

— А ты что дашь?

— Кусок лакрицы и рыболовный крючок.

— Покажи.

Том показал. Приятель остался доволен, и они обменялись ценностями. После этого Том променял два белых шарика на три красных билетика, и ещё разные пустяки — на два синих. Он ещё около четверти часа подстерегал подхвачивших мальчиков и покупал у них билетики разных цветов. Потом он вошёл в церковь вместе с ватагой чистеньких и шумливых мальчиков и девочек, уселся на своё место и завёл ссору с тем из мальчиков, который был поближе. Вмешался важный, пожилой учитель; но как только он повернулся спиной, Том успел дёрнуть за волосы мальчишку, сидевшего перед ним, и уткнулся в книгу, когда этот мальчик оглянулся; тут же он кольнул булавкой другого мальчика, любопытствуя послушать, как тот заорёт: «Ой!», и получил ещё один выговор от учителя. Весь класс Тома подобрался на один лад — все были беспокойные, шумливые и непослушные. Выходя отвечать урок, ни один из них не знал стихов как следует, всем надо было подсказывать. Однако они кое-как добирались до конца, и каждый получал награду — маленький синий билетик с текстом из Священного писания; каждый синий билетик был платой за два выученных стиха из Библии. Десять синих билетиков равнялись одному красному, их можно было обменять на красный билетик; десять красных билетиков равнялись одному жёлтому; а за десять жёлтых директор школы давал ученику Библию в дешёвом переплёте (стоившую в то доброе старое время сорок центов). У многих ли из моих

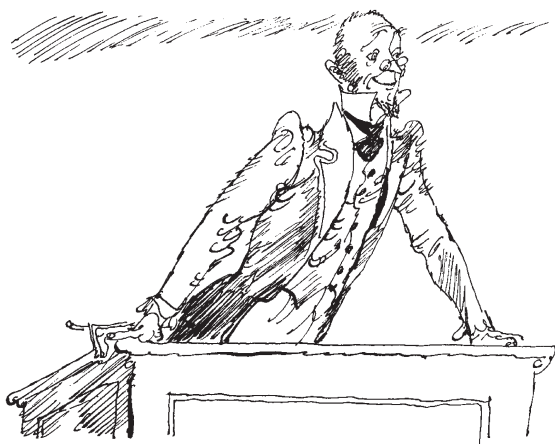
читателей найдётся столько усердия и прилежания, чтобы заучить наизусть две тысячи стихов, даже за Библию с рисунками Доре? Но Мэри работала таким путём две Библии — в результате двух лет терпения и труда, а один мальчик из немцев даже четыре или пять. Он как-то прочёл наизусть три тысячи стихов подряд, не останавливаясь; но такое напряжение умственных способностей оказалось ему не по силам, и с тех пор он сделался идиотом — большое несчастье для школы, потому что во всех торжественных случаях, при посетителях, директор всегда вызывал этого ученика и заставлял его «из кожи лезть», по выражению Тома. Только старшие ученики умудрялись сохранить свои билетки и проскучать над зубрёжкой достаточно долго, чтобы получить в подарок Библию, и потому выдача этой награды была редким и памятным событием; удачливый ученик в этот день играл такую важную и заметную роль, что сердце каждого школьника немедленно загоралось честолюбием, которого хватало иногда на целых две недели. Быть может, Том не был одержим духовной жаждой настолько, чтобы стремиться к этой награде, но нечего и сомневаться в том, что он всем своим существом жаждал славы и блеска, которые приобретались вместе с ней.

Как водится, директор школы стал перед кафедрой, держа молитвенник в руках, и, заложив его пальцем, потребовал внимания. Когда директор воскресной школы произносит обычную коротенькую речь, то молитвенник в руках ему так же необходим, как ноты певице, которая

стоит на эстраде, готовясь пропеть соло, — хотя почему это нужно, остаётся загадкой: оба эти мученика никогда не заглядывают ни в молитвенник, ни в ноты. Директор был невзрачный человек лет тридцати пяти, с рыжеватой козлиной бородкой и коротко подстриженными рыжеватыми волосами, в жёстком стоячем воротничке, верхний край которого подпирал ему уши, а острые углы выставлялись вперёд, доходя до уголков рта. Этот воротник, словно забор, заставлял его глядеть только прямо перед собой и поворачиваться всем телом, когда надо было посмотреть вбок; подбородком учитель упирался в галстук шириной в банковый билет, с бахромой на концах; носки его ботинок были по моде сильно загнуты кверху, наподобие лыж, — результат, которого молодые люди того времени добивались упорным трудом и терпением, просиживая целые часы у стенки с прижатыми к ней носками. С виду мистер Уолтерс был очень серьёзен, а в душе честен и искренен; он так благоговел перед всем, что свято, и настолько отделял духовное от светского, что незаметно для себя самого в воскресной школе он даже говорил совсем другим голосом, не таким, как в будние дни.

Свою речь он начал так:

— А теперь, дети, я прошу вас сидеть как можно тише и прямее и минуту-другую слушать меня как можно внимательнее. Вот так. Именно так и должны себя вести хорошие дети. Я вижу, одна девочка смотрит в окно; кажется, она думает, что я где-нибудь там, — может быть, сию на

дереве и беседую с птичками. (*Одобрительный смех.*) Мне хочется сказать вам, как приятно видеть, что столько чистеньких весёлых детских лиц собралось здесь для того, чтобы научиться быть хорошими.

И так далее, и тому подобное. Нет никакой надобности приводить здесь конец этой речи. Она составлена по неизменному образцу, а потому мы все с ней знакомы.

Последняя треть его речи была несколько омрачена возобновившимися среди озорников драками и иными развлечениями, а также шёпотом и движением, которые постепенно распространялись всё дальше и дальше и достигли даже до подножия таких одиноких и незыблемых столпов, как Сид и Мэри. Но с последним словом мистера Уолтерса всякий шум прекратился, и конец его речи был встречен благодарным молчанием.

Перешёптывание было отчасти вызвано событием более или менее редким — появлением

гостей: судьи Тэтчера в сопровождении какого-то совсем дряхлого старичка, представительного джентльмена средних лет с седеющими волосами и величественной дамы, должно быть, его жены. Дама вела за руку девочку. Тому Соьеру не сиделось на месте, он был встревожен и не в духе, а кроме того, его грызла совесть — он избегал встречаться глазами с Эми Лоуренс, не мог вынести её любящего взгляда. Но как только он увидел маленькую незнакомку, вся душа его наполнилась блаженством. В следующую минуту он уже старался изо всех сил: колотил мальчишек, дёргал их за волосы, строил рожи — словом, делал всё возможное, чтобы очаровать девочку и заслужить её одобрение. Его радость портило только одно — воспоминание о том, как его облили помоями в саду этого ангела, но и это воспоминание быстро смыли волны счастья, нахлынувшие на его душу. Гостей усадили на почётное место и, как только речь мистера Уолтерса была окончена, их представили всей школе. Джентльмен средних лет оказался очень важным лицом — не более и не менее как окружным судьёй, самой высокопоставленной особой, какую приходилось видеть детям. Им любопытно было знать, из какого материала он создан, и хотелось услышать, как он рычит, но вместе с тем было и страшно. Он приехал из Константинополя, за двенадцать миль¹ отсюда, — значит, путешествовал и видел свет: вот этими

¹ Милья — 1,61 километра.

самыми глазами видел здание окружного суда, о котором ходили слухи, будто оно под железной крышей. О благоговении, которое вызывали такие мысли, говорило торжественное молчание и ряды почтительно взирающих глаз. Ведь это был знаменитый судья Тэтчер, брат здешнего адвоката. Джеф Тэтчер немедленно вышел вперёд, на зависть всей школе, и показал, что он коротко знаком с великим человеком. Если б он мог слышать шёпот, поднявшийся кругом, то этот шёпот услаждал бы его душу, как музыка:

— Погляди-ка, Джим! Идёт туда. Гляди, протянул ему руку — здороваётся! Вот ловко! Скажи, небось хочется быть на месте Джефа?

Мистер Уолтерс старался, проявляя необыкновенную распорядительность и расторопность, отдавая приказания, делая замечания и рассыпая выговоры направо и налево, кому придётся. Библиотекарь старался, бегая взад и вперёд с охалками книг и производя ненужный шум, какой любит поднимать мелкотравчатое начальство. Молоденькие учительницы старались, ласково склоняясь над учениками, которых не так давно драли за уши, грозили пальчиком маленьким шалунам и гладили по головке послушных. Молодые учителя старались, делая строгие выговоры и на все лады проявляя власть и поддерживая дисциплину. Почти всем учителям сразу понадобилось что-то в книжном шкафу, рядом с кафедрой; и они наведывались туда раза по два, по три, и каждый раз будто бы нехотя. Девочки тоже старались как могли, а мальчики старались так усердно, что жёваная бумага

и затрешины сыпались градом. И над всем этим восседал великий человек, благосклонно улыбаясь всей школе снисходительной улыбкой судьи и греясь в лучах собственной славы, — он тоже старался.

Одного только не хватало мистеру Уолтерсу для полного счастья: возможности вручить наградную Библию и похвастать чудом учёности. У некоторых школьников имелись жёлтые билетки, но ни у кого не было столько, сколько надо, — он уже опросил всех первых учеников. Он бы отдал всё на свете за то, чтобы к немецкому мальчику вернулись умственные способности. И в ту самую минуту, когда всякая надежда покинула его, вперёд выступил Том Сойер с девятью жёлтыми билетками, девятью красными и десятью синими и потребовал себе Библию. Это был гром среди ясного неба. Мистер Уолтерс никак не ожидал, что Том может потребовать Библию, — по крайней мере, в течение ближайших десяти лет. Но делать было нечего — налицо были подписанные счета, и по ним следовало платить. Тома пригласили на возвышение, где сидели судья и другие избранные, и великая новость была провозглашена с кафедры. Это было самое поразительное событие за последние десять лет, и впечатление оказалось настолько потрясающим, что новый герой сразу вознёсся до уровня судьи, и вся школа созерцала теперь два чуда вместо одного. Всех мальчиков терзала зависть, а больше других страдали от жесточайших угрызений именно те, кто слишком поздно понял, что они сами

помогли возвышению ненавистного выскочки, променяв ему билетки на те богатства, которые он нажил, уступая другим своё право белить забор. Они сами себя презирали за то, что дались в обман хитрому проныре и попались на удочку.

Награда была вручена Тому с такой почувствованной речью, какую только мог выжать из себя директор при создавшихся обстоятельствах, но в ней недоставало истинного вдохновения, — бедняга чуял, что тут кроется какая-то тайна, которую вряд ли удастся вывести из мрака на свет: просто быть не может, чтобы этот мальчишка собрал целых две тысячи библейских снопов в житницу свою, когда известно, что ему не запомнить и двенадцати. Эми Лоуренс и гордилась, и радовалась, и старалась, чтобы Том это заметил по её лицу, но он не глядел на неё. Она задумалась; потом слегка огорчилась; потом у неё возникло смутное подозрение — появилось, исчезло и возникло снова; она стала наблюдать; один беглый взгляд сказал ей очень многое — и тут её поразил удар в самое сердце: от ревности и злобы она чуть не заплакала и возненавидела всех на свете, а больше всех Тома, — так ей казалось.

Тома представили судье; но язык у него прилип к гортани, сердце усиленно забилося, и он едва дышал — отчасти подавленный грозным величием этого человека, но главным образом тем, что это был её отец. Он бы с радостью упал перед судьёй на колени, если бы в школе было темно. Судья погладил Тома по голове, назвал

его славным мальчиком и спросил, как его зовут. Мальчик раскрыл рот, запнулся и едва выговорил:

— Том.

— Нет, не Том, а...

— Томас.

— Ну, вот это так. Я так и думал, что оно немножко длиннее. Очень хорошо. Но у тебя, само собой, есть и фамилия, и ты мне её, конечно, скажешь?

— Скажи джентльмену, как твоя фамилия, Томас, — вмешался учитель, — и не забывай говорить «сэр». Веди себя как следует.

— Томас Сойер... сэр.

— Вот так! Вот молодец. Славный мальчик. Славный маленький человечек. Две тысячи стихов — это очень много, очень, очень много. И никогда не жалеешь, что потратил на это столько трудов: знание дороже всего на свете — это оно делает нас хорошими людьми и даже великими людьми; ты и сам когда-нибудь станешь хорошим человеком, большим человеком, Томас, и тогда ты оглянешься на пройденный путь и скажешь: «Всем этим я обязан тому, что в детстве имел счастье учиться в воскресной школе, — моим дорогим учителям, которые показали мне дорогу к знанию, моему доброму директору, который поощрял меня, следил за мной и подарил мне прекрасную Библию — роскошную, изящную Библию, которая станет моей собственностью и будет храниться у меня всю жизнь, — и всё это благодаря тому, что меня правильно воспитывали!» Вот что ты

скажешь, Томас, и эти две тысячи стихов станут тебе дороже всяких денег, — да, да, дороже. А теперь не расскажешь ли ты мне и вот этой леди что-нибудь из того, что ты выучил? Конечно, расскажешь, потому что мы гордимся мальчиками, которые так хорошо учатся. Без сомнения, тебе известны имена всех двенадцати апостолов?¹ Может быть, ты скажешь нам, как звали тех двоих, которые были призваны первыми?

Том всё это время теребил пуговицу и застенчиво глядел на судью. Теперь он покраснел и опустил глаза. Душа мистера Уолтерса ушла в пятки. Про себя он подумал: ведь мальчишка не может ответить даже на самый простой вопрос, и чего это судье вздумалось его спрашивать? Однако он чувствовал, что обязан что-то сказать.

— Отвечай джентльмену, Томас, не бойся.

Том всё молчал.

— Я знаю, мне он скажет, — вмешалась дама. — Первых двух апостолов звали...

— Давид и Голиаф!²

Опустим же завесу милосердия над концом этой сцены.

¹ Двенадцать апостолов — двенадцать учеников Иисуса Христа.

² Давид и Голиаф — Том Сойер перепутал две главных книги Библии. Давид и Голиаф — персонажи Ветхого Завета, а апостолы — Нового.

Глава V

Около половины одиннадцатого зазвонил надтреснутый колокол маленькой церкви, а скоро начал собираться и народ к утренней проповеди. Ученики воскресной школы разбрелись по всей церкви и расселись по скамейкам вместе с родителями, чтобы быть всё время у них на глазах. Пришла и тётя Полли. Сид и Мэри сели рядом с ней, а Тома посадили поближе к проходу, как можно дальше от раскрытого окна и соблазнительных летних видов. Прихожане заполнили оба придела: престарелый и неимущий почтмейстер, знавший лучшие дни; мэр со своей супругой — ибо в городишке имелся и мэр, вместе с прочими ненужностями; судья; вдова Дуглас — красивая, нарядная женщина лет сорока, добрая душа, всем известная своей щедростью и богатством, владелица единственного барского дома во всём городе, гостеприимная хозяйка и устроительница самых блестящих праздников, какими мог похвастать Сент-Питерсберг; почтенный, согнутый в дугу майор Уорд со своей супругой; адвокат Риверсон, новоявленная знаменитость, приехавшая откуда-то издалека; местная красавица в сопровождении стайки юных покорительниц сердец, разряженных в батист и ленты. Вслед за девицами ввалились целой гурьбой молодые люди, городские чиновники, — полукруг напозаженных вздыхателей стоял на паперти, посасывая набалдашники своих тросточек, пока девицы не вошли в церковь; и, наконец,